

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.2>

Бессмертная Мария Станиславовна

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ВОПЛОЩЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Д. ЕРМАКОВА "ДЕЛА ЗЕМНЫЕ"

В статье изучена роль интертекстуальности в раскрытии художественной концепции личности в повести "Дела земные" Д. Ермакова. Установлено, что писатель использует разнообразную палитру средств для создания интертекстуальности: цитации, аллюзии, метатекстуальные связи. Эти приемы способствуют расширению и обогащению содержания повести, а также воплощению концепции личности в произведении. Исследование интертекстуальности повести Д. Ермакова включено в широкий литературный контекст. Подчеркивается связь персонажной системы произведения с классической русской словесностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 229-234. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Арзамазов А. А. Феномен визуального в современной удмуртской поэзии (опыт анализа творчества П. М. Захарова). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; Удмуртский университет, 2010. 232 с.
2. Ванюшев В. М. Мифологические сюжеты и образы в удмуртской поэзии // Удмуртская мифология. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 159-170.
3. Васильев С. Ф., Шибанов В. Л. Под тенью зэрпала: дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов: в 2-х т. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1997. Т. 1. 302 с.
4. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. 320 с.
5. Зайцева Т. И. Проза Никвлада Самсонова: мифопоэтическая образность // Современная удмуртская проза (1980-2000-е годы). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. С. 25-56.
6. Захаров П. М. Вож выж = [Зеленый мост: стихи, поэмы, переводы]. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2001. 272 с.
7. Захаров П. М. Карас = [Соты: песни удмуртского шамана]. Ижевск: Инвожо, 2010. 144 с.
8. Захаров П. М. Кырмуш = [Дикая пчела: стихи]. Ижевск: Инвожо, 2015. 79 с.
9. Зуева-Измайлова А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1997. 372 с.
10. Ильина Н. В. Художественный мифологизм бесермянского поэта М. Федотова в контексте удмуртской литературы 1980-1990-х гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2006. 21 с.
11. Орехова Л. Ярдуртэм нюлэс = [Безбрежный лес: стихи]. Ижевск: Инвожо, 118 с.
12. Шибанов В. Л. Бергтысько уйшоре: кылбуръёс = [Возвращаюсь в полночь: стихи]. Ижевск: Удмуртия, 1991. 72 с.
13. Шибанов В. Л. Вьль ужъёсы отё: кылбуръёс = [От дела к делу: стихи]. Ижевск: Удмуртия, 1982. 28 с.
14. Шибанов В. Л. Ос: кылбуръёс = [Дверь: стихи]. Ижевск: Инвожо, 2003. 56 с.
15. Шкляев А. Г. Литература мифа и мифы о литературе: о некоторых формах взаимоотношений литературы и мифа // Удмуртская мифология. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 171-177.
16. Шумилова А. П. Дыр-эктон: Кылбуръёс, берыктэмъёс. Ижкар: ООО «Союз оригинал», 2015. 84 б.

THE MYTHOLOGICAL CHARACTER *INMAR* IN MODERN UDMURT POETRY

Arzamazov Aleksei Andreevich, Doctor in Philology
Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk
arzami@rambler.ru

The article deals with the place of the mythological character *Inmar* in the works of contemporary Udmurt poets, personifying the ethno-futuristic movement. The basic semantic contexts of the symbol literary actualization are ascertained. The paper determines the degree of its semantic conjugation with the traditional culture of the Udmurt people, Christian worldview. The author reveals that the image of *Inmar* that is characterized by the high frequency of verse use is associated with the collective acquisition of new post-Soviet confessional reality. The image is involved in the context of conceptual poetic comprehension, the description of the era of the 1990s, and appears as a component of the emotive utterance of the lyrical subject. *Inmar* often interacts with other key subjects of the Udmurt mythological pantheon in the structure of the work.

Key words and phrases: Udmurt poetry; mythological character; ethnofuturism; traditional culture; Christianity; imagery system.

УДК 8; 82:82-1/9

Дата поступления рукописи: 19.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.2>

В статье изучена роль интертекстуальности в раскрытии художественной концепции личности в повести «Дела земные» Д. Ермакова. Установлено, что писатель использует разнообразную палитру средств для создания интертекстуальности: цитации, аллюзии, метатекстуальные связи. Эти приемы способствуют расширению и обогащению содержания повести, а также воплощению концепции личности в произведении. Исследование интертекстуальности повести Д. Ермакова включено в широкий литературный контекст. Подчеркивается связь персонажной системы произведения с классической русской словесностью.

Ключевые слова и фразы: Д. Ермаков; интертекстуальность; метатекст; цитации; метатекстуальные связи; концепция личности; цитаты; принцип центона; литературоцентрическая ориентированность; традиции; постмодернизм; актуализация.

Бессмертная Мария Станиславовна

Армавирский государственный педагогический университет
Frolovamasha90@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ВОПЛОЩЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Д. ЕРМАКОВА «ДЕЛА ЗЕМНЫЕ»

Использование цитат, аллюзий, готовых фрагментов (литературных и историко-культурных) в тексте «составляет часть русской литературной традиции» [7, с. 22]. К этой традиции активно обращается автор повести «Дела земные».

Интертекстуальность (цитация и аллюзии) в краткой повести (авторское определение жанра) Д. А. Ермакова – прием, который реализуется практически во всех главах путем использования значимых для воплощения авторской художественной концепции личности цитат, а также прямых и скрытых в подтексте отсылок к известным произведениям. На наш взгляд, одно из лучших определений термина «интертекстуальность» дал И. П. Смирнов: «Смысл художественного произведения частично или полностью формулируется посредством ссылки на иной текст...» [12, с. 11].

На современном этапе развития литературы использование интертекстуальности имеет две наиболее типичные разновидности. Определим их как «классическая» и «постмодернистская». Так, в романе «Отцы и дети» мы находим классическое употребление интертекстуальности в связи с упоминанием в тексте произведений А. С. Пушкина. Творчество великого русского поэта и отношение героев к его личности и к его художественному наследию становятся в тургеневском повествовании индикатором для определения духовной сущности персонажей и обозначения важнейших координат художественного мира романа «Отцы и дети» [9]. Такое использование приема характерно для всей русской классической литературы XIX столетия, а также прозаиков, продолживших традиции отечественной классики в XX и XXI вв.

Постмодернистское понимание интертекстуальности представляет текст как «бесконечное поле для игры письма», это явление «размывает границы текста», поскольку «всякий текст является реакцией на предшествующие тексты» [8, с. 308]. В постмодернизме интертекстуальность способствует возникновению бесконечной множественности прочтений. И чем их больше, тем лучше для составителя (скриптора) текста. «Текст порождает собственные смыслы» [11, с. 58], а благодаря интертекстуальности наполняется множеством культурных кодов и художественных значений. В тексте «живет эхо интертекстуальности» [Там же]. Отсюда размытость смыслов, интеллектуальная перегруженность, бесконечная символизация цитат практически у всех писателей, прибегающих к этому приему, а особенно при использовании принципа центона. Таким образом, использование создателем произведения постмодернизма интертекста, во-первых, проявляет множественность пониманий цитат и аллюзий, во-вторых, нагромождение цитат используется для создания центона, в-третьих, смысл цитируемого фрагмента, как правило, «нарочито упрощается и извращается» [Там же, с. 161].

Д. Ермаков, используя этот прием, опирается на традиции русской классики, игнорируя постмодернистские способы его актуализации. Важная сторона использования интертекстуальности в повести «Дела земные» – ее литературоведческая и литературоцентрическая ориентированность, нацеленность упоминаний и цитаций конкретных произведений (и их авторов) на связь с литературными и литературоведческими размышлениями героев повести.

Весь текст краткой повести насыщен и упоминаниями о творчестве русских писателей (А. Пушкин, Л. Толстой, А. Чехов, С. Есенин, М. Шолохов, А. Яшин, Н. Рубцов, С. Чухин, В. Белов, В. Шукшин), и цитатами конкретных произведений этих авторов. Такая насыщенность объясняется тематикой произведения – изображение событий международного научного симпозиума, связанного с изучением литературы.

Функционально цитирование, реминисценции и аллюзии используются в повести «Дела земные» по-разному. Выделим два ключевых аспекта.

Во-первых, расширение эмоционального фона повествования, углубление психологизма при создании образа-персонажа. В первой главе размышления Егорова связываются со строчками, которые ему вспомнились: «Пришли на память милые грехи: придешь полураздетая, босая...» [5, с. 9]. Скорее всего, эти строчки принадлежат С. Чухину, с творчеством которого связан доклад Егорова на симпозиуме в Финляндии. Воспоминания героя о жене одновременно и тревожные, и теплые. Если во время отъезда он «жил не то чтобы сам по себе, но меньше обращал на нее внимания, и ее, кажется, это устраивало» [Там же], то воспоминания о былом – более светлые: «Но ведь любил он ее когда-то» [Там же]. Эти воспоминания и сопровождаются приведенной выше стихотворной цитатой. Она с помощью эпитета «милые», субстантивированных прилагательных «полураздетая, босая» воссоздает настроение лада, душевной близости. И соответствует цитате следующая за ней фраза из размышлений героя: «Да, любил» [Там же].

Для воссоздания психологической характеристики жены Егорова, Галины, выбрано стихотворение, которое она наугад открывает в книге стихотворений Чухна: «От мужика ушла жена – встречаются молодки...» [Там же, с. 17]. Цитата приведена после того, как Галина изменила мужу, духовно «ушла» от Егорова. Но перед тем, как встретила с подругой Мариной. Использованная строчка стихотворения Чухина – констатация внутреннего «ухода», отдаления от мужа, а в общем контексте произведения – отдаления от традиционных ценностей. Развивает эту тему цитата из интернет-сонника с явным психологическим подтекстом: «Собирать грибы – беременность» [Там же, с. 18]. Комментарий героини к прочитанному («Ну что за глупости...») [Там же] проявляет еще одну важную черту Галины – сосредоточенность на карьере, нежелание стать матерью.

Психотип образа Марины, подруги Галины, также создан автором с привлечением цитаты в виде пословицы: «Муж мужем, а любовник нужен» [Там же, с. 19]. Гедонизм, наслаждение жизнью – вот что определяет поведение этого персонажа.

Во-вторых, обрисовка мировоззренческих, в том числе историко-литературных взглядов персонажа – важная составляющая отображения идейной доктрины произведения, выражаемая часто при помощи цитирования или аллюзий.

В повести есть внесюжетное повествовательное включение, названное автором «Из рабочей тетради Алексея Егорова». Это литературно-критические заметки, являющиеся одновременно и небольшим лирическим монологом героя, наполненные реминисценциями. В нем прослежена эволюция восприятия России в творчестве

отечественных писателей. В понимании Егорова, в пушкинском стихотворении – «Клеветникам России» – Русь величественная; у Есенина – «Русь уходящая», в творчестве Рубцова «Россия увидела себя бездомную, сиротскую, терзаемую на грани “меж городом и селом”, Россию, в которой человек живет “вблизи пустого храма”» [Там же, с. 20]. Последняя часть фразы – цитата из стихотворения Н. М. Рубцова «Вологодский пейзаж». Общая концепция осмысления русской жизни в ее связи с литературой апокалиптика: после эпохи Пушкина Россия слабеет, в ней идет процесс расподобления человека, наступает время «победившего Хама» [Там же, с. 21], исчезает «страх Божий» в людях. В эту идейную систему укладываются еще два упомянутых здесь же литературных текста. Первый – стихотворение Н. М. Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», цитата из которого, помещенная в повести Ермакова, выражает поэтическое предчувствие приближающейся катастрофы: «Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...» [Там же, с. 20]. Второй – документально-публицистическое повествование В. М. Шукшина «Кляуза», заканчивающееся вопросом ко всем читателям о критичном состоянии нравственности общества: «Что с нами происходит?» [Там же]. Тема хамства, захватившего все сферы жизни общества, волнует героя Д. А. Ермакова. Хамство, по утверждению Алексея Егорова, «убило Рубцова и Чухина».

В стихотворении С. Чухина, процитированном в заметках рабочей тетради Алексея Егорова полностью, выражено отвержение лирическим героем распространившегося хамства, его стремление выйти из порочного круга внешней, суетной жизни человека, идеал счастья которой представляется только «в багетах золотых» [Там же, с. 21]. В стихотворении «Ах, эта жизнь! Гори она огнем!», написанном как послание и обращение к другу, предлагается уйти от низменных идеалов «куда-нибудь в деревню, недалече», чтобы «пердохнуть» от ханжей (ведь они «делают при встрече» умные лица и «облепили слово ржавью лжи» [Там же]), от «холодного жулья», которое «подбирает разные отмычки к моей душе, чтобы взломать ее» [Там же, с. 22]. Противопоставление хамства – сочувствию, холодного равнодушия – теплоте человеческого общения, бездуховности значительной части городского общества – целеустремленной работе в русской деревне и литературной классической традиции, которую вслед за Пушкиным и Есениным развивали Рубцов и Чухин. И цитация в художественной реализации духовной сущности позиции Егорова играет в тексте ключевую роль. Первая строчка названного выше стихотворения С. Чухина привлекается в тексте еще раз в другой обстановке, только уже не в качестве цитаты, а как собственные слова героя, заставляющие вспомнить и о стихотворении. Это происходит в тот момент, когда Егоров, выпивая в компании с финским писателем Арви (некогда жившим в России и эмигрировавшим), решает пуститься во все тяжкие, предлагая новой знакомой Марии пойти к нему в номер. Слова «Ах, эта жизнь! Гори она огнем!» [Там же, с. 37] теперь воспринимаются как желание Егорова забыться и отрешиться от сложных жизненных перипетий и проблем, поскольку перед этим речь заходит о том, что у Егорова и Марии есть знакомые, пострадавшие в России и Финляндии от советско-финской войны. А сразу вслед за этим герой просит Арви взять еще «шнапса».

Еще одна литературная концепция представлена в докладе Олега Лосева на симпозиуме в Хельсинки. Она также выражена во многом с помощью интертекстуальных приемов. В выступлении проявлена его концепция смены доминирующих литературных слоев русского общества (XIX век – дворянство, XX век – крестьянство: «дворянская культура передает первенство культуре крестьянской»). Лосевым выражена также мысль о мессианстве русской культуры и цивилизации: «И как бы ни страшна была нынешняя русская жизнь, мы, русские, должны помнить, что весь мир, по-прежнему, с надеждой смотрит на нас. И чтобы оправдать эту мировую надежду, мы, нынешние русские, должны смело всматриваться и вмешиваться в самые страшные проблемы нашей жизни» [Там же, с. 30].

Третий отрезок ткани повести, содержащий цитаты произведений, – выступление Алексея Егорова. Обращение к цитате из стихотворения С. Чухина «Чтоб целый мир обнять души не хватит. А между тем ее должно хватить» [Там же, с. 31]. Во-первых, эта цитата содержательно соотносится с приведенным в выступлении Олега Лосева стихотворением Алексея Ганина «Красный час». В нем лирический герой «обнимает душой» весь окружающий его мир русской северной природы, рисуя гармонию ее красок и состояний на закате. Во-вторых, ощутима связь строчек С. Чухина со строчками из тютчевского стихотворения «Silentium!»: «Есть целый мир в душе твоей / Таинственно-волшебных дум...». Мысль лирического героя Чухина о том, что души «должно хватить» обнять «целый мир», связана с размышлением Тютчева о наличии в душе мира, как бы вытекает из него. Именно поэтому-то ее и должно хватить, что «целый мир», как обозначил Тютчев, уже есть «в душе».

Скрытая отсылка к стихотворениям Ф. И. Тютчева есть в словах Олега Лосева, вспоминающего отрывок из стихотворения С. Чухина: «Друзей потянет кочевать, а ты у осени попросишь бумаги лист, оконца просишь, да деревянную кровать. Листва засыплет водоём, пройдет хорошая погода, уйдет последняя подвода, и день потянется за днём. Настроив душу на добро, на чистоту лесной берёсты, понять природу так же просто, как птице обронить перо...» [Там же, с. 40]. Понимание природы обусловлено «настроенностью» души на добро. Выражение С. Чухина «понять природу» «ведет» нас к тютчевскому стихотворению «Не то, что мните вы, природа...», в котором лирический герой размышляет о непонимании природы людьми с темными, холодными душами, не способными сочувствовать:

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

Очевидна переключка стихотворных строк С. Чухина с написанными Ф. Тютчевым. Русский поэт XIX века говорит о трагедии непонимания природы, а лирик XX века показывает путь преодоления непонимания: это возможно сделать, «настроив душу на добро». Этот путь и проходят центральные персонажи. Настроенность на добро – основное условие бытия главных героев Алексея Егорова, Олега Лосева, Аннели Малинен. Их настроенность на любовь к русской литературе и России и есть настроенность на добро. Из нее вырастает и их взаимное духовное понимание-притяжение.

Еще раз отсылка к стихам Ф. И. Тютчева обнаруживается в цитате из стихотворения С. Чухина «О милая! Наш миг неповторим...». Для лирического героя этого произведения из наугад раскрытого Аннели Малинен сборника любовь и близость – это миг, сон, а все остальное бытие – разлука. Поэтому поэт говорит: надо жить разлукой. Тема предназначения расставания, реализованная в символической метафоре «живи разлукой», осмыслена в стихотворении философски. Расставание нужно, поскольку оно дает почувствовать, как «неповторимо все», как все ценно:

И ночь любви дороже нам, когда
Живешь разлукой [Там же, с. 49].

«Наша ночь с ее волшебной мукой» – это у Чухина одновременно и «ночь любви», которая «пройдёт, растает, словно дым», то есть как сон. А чтобы пробуждение от растаявшей, «словно мука», ночи любви не было трагичным, лирический герой дает сочувственный совет возлюбленной – «живи разлукой» [Там же].

О значимости расставания и его предназначении до Чухина писал Ф. Тютчев. В стихотворении «В разлуке есть высокое значенье...» лирический герой осознает кратковременность любви, ее сходство со сном, за которым неизбежно пробужденье. Именно это и придает «высокое значенье» разлуке:

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

Мотив встреч и разлук – важнейший для каждого из ведущих персонажей произведения (Алексея Егорова и его жены Галины, Олега Лосева, Аннели Малинен, финки Марии) – наиболее остро заявлен с помощью цитированного нами стихотворения С. Чухина.

Таким образом, стихотворения С. Чухина, которые процитированы в произведении, соединяют повествовательную ткань произведения с тютчевской поэтической философией, а шире – со смыслами, укоренившимися в русской литературной традиции еще в XIX веке.

В повествовательной ткани произведения ощутима интертекстуальная переключка реплик и мироощущений героев. С помощью этого приема автор отобразил внутреннее духовное единение близких ему персонажей: Алексея Егорова и Олега Лосева. Так, Егоров в записях о Чухине выражает эсхатологическую концепцию движения времени, осознанную им как проблема нарастающего хамства и нравственной деградации в обществе [Там же, с. 20-21], а Лосев говорит о том же, называя процесс нравственного распада, особо усилившийся с начала XX века, – «расчеловечивание» [Там же, с. 27]. Лосев, размышляя о русской крестьянской культуре и о Ганине, провозглашает мессианскую для отечественной литературы необходимость сохранять культурный потенциал и не бояться вмешиваться в ход жизни, чтобы донести другим поколениям свет русской культуры [Там же, с. 30]. Алексей Егоров выступил на симпозиуме с докладом о творчестве Сергея Чухина, процитировал его стихотворение: «Чтоб целый мир обнять, души не хватит. А, между тем, ее должно хватить» [Там же, с. 31]. Эта вложенная в уста персонажа фраза о том, что «масштаб всей Русской Литературы» – всемирный [Там же], тождественна тезису Олега Лосева о долге русского писателя «помнить, что весь мир, по-прежнему, с надеждой смотрит на нас» [Там же, с. 30]. Демонстрируя духовную близость идеалов названных персонажей, автор символически ведет их обоих по улицам Хельсинки одинаковым путем – к храму: «И совершенно естественно, будто туда и стремились с самого начала, двинули они в сторону златокупольного храма» [Там же, с. 55].

Интертекстуально направленность духовного вектора движения персонажей в сторону Церкви и ее нравственных заветов выразилась в самой сердцевине произведения с помощью дважды использованной в выступлении Лосева аллюзии со словами «живая жизнь» (второй раз – «живая русская жизнь») [Там же, с. 29]. Сама по себе эта фраза употребляется во многих художественных и публицистических произведениях таких русских авторов XIX века, как Н. Языков, И. Киреевский, К. Аксаков, В. Одоевский, А. Григорьев, Ф. Достоевский [6]. Окончательно смысл ее закрепился в произведениях Ф. Достоевского «Записки из подполья», «Подросток», причем ее понимание писатель сформулировал в «Дневнике писателя за 1876 год»: «Словом, идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» [1, с. 49-50]. Аллюзивное использование выражения «живая жизнь» в повести Д. Ермакова свидетельствует о православно-христианском (в контексте цитаты из «Дневника писателя») наполнении изображения персонажа и действительности в целом, а также о связи размышлений героя со славянофильской и почвеннической философско-публицистической мыслью.

Помимо упоминания о крестьянских поэтах первой половины XX века (А. Ганин, С. Есенин), представителях «тихой лирики» (Н. Рубцов, С. Чухин), в повести есть интертекстуальное представление произведений авторов так называемой «деревенской» прозы – В. Шукшина и В. Белова.

Имя Василия Шукшина упоминает финка Аннели Малинен – наиболее близкий к русской литературе персонаж: «Я училась в Советском Союзе. В Ленинграде. Диплом писала по Шукшину» [5, с. 34]. И похожий на шукшинский, драматичный и шуточный художественно-документальный сюжет автор вкладывает в уста своей героини: «Работала потом экскурсоводом с советскими туристами. Однажды была группа работников мясной промышленности. Водила их на мясоперерабатывающий комбинат. Я сама там впервые была. Весь путь – от поросёночка до... до того, что из него сделали прошли. И вот вышли во двор комбината, а троих нет. У меня сердце в пятки ушло. – Она говорила так, будто вот прямо сейчас переживает те самые события, даже появился заметный акцент. – Чего только не представила. Там же такие машины с ножами, крючья... Пошли искать... А они у одной такой машины стоят, рты разинув... Да, напугалась тогда...» [Там же]. Наивный рассказ Аннели по интонации напоминает монологи простоватых шукшинских героев-чудиков, а по сюжетному движению действия – небольшой рассказ В. Шукшина «Бык», вошедший в цикл «Из детских лет Ивана Попова». В этом рассказе подросток работал водовозом на запряженной упрямым быком повозке. Затем бык пропал, и Иван отправился на его поиски, нашел в просе [13, с. 728-730]. И хотя ситуация в шукшинском рассказе совсем не юмористическая, в повествованиях присутствует общее сходство нарративов. Именно Аннели Малинен показана в повести как действительно понимающий, любящий русскую литературу человек: она получила выговор от своего руководителя, директора института, за то, что в Хельсинки на форуме было мало финно-угорских авторов, а вместо них «какой-то Чухин, какой-то Ганин, Егоров, Лосев» [5, с. 46].

О творчестве В. Белова в повести Д. Ермакова как бы случайно упоминается дважды. И оба раза в связи с финским писателем Арви, которому не дают покоя успехи русского писателя. Подвыпив, Арви говорит: «Я роман написал о коллективизации в Карелии... <...> Я ещё и вашего Белова перепису» [Там же, с. 37]. Двойной смысл слова «перепису», то есть, «переплону», сделаю не хуже и перепису от руки, обыгрывает Егоров, снижая самолюбивый пафос карело-финна вопросом: «От руки, что ли?» [Там же]. Среди воспоминаний Д. Ермакова есть написанные в 2014 г. «Встречи с Беловым» [4]. Нет сомнения, что автор повести «Дела земные» свято чтит память великого земляка, преклоняется перед его творчеством и стремится продолжить традиции Василия Белова. На наш взгляд, не только возникновение в произведении фамилии любимого вологодцами писателя соединяет повествование Д. Ермакова с творчеством Василия Ивановича Белова. При сопоставлении повести «Дела земные» с романом «Все впереди» можно выявить определенные параллели в этих произведениях.

Во-первых, сюжетно роднит произведения рассказ о поездке за границу, ставшей испытанием на духовную прочность для центральных героев. В романе Любовь Медведева с группой едет в туристическую поездку по Франции, а ее муж остается в Москве. В повести – наоборот, Егоров отправляется в поездку в Финляндию, а жена остается в Вологде.

Во-вторых, проблемно-тематически они связаны изображением драматически сложных, поставленных на грань разрыва семейных взаимоотношений, которые переживают главные герои – Дмитрий Медведев («Все впереди») и Алексей Егоров («Дела земные»). В обоих произведениях присутствует тема измены или допущения ее возможности. Так, в романе Иванов, будучи за границей, стал невольным свидетелем сцены в отеле между Любовью Медведевой и Михаилом Бришем, одним из участников туристической поездки, что заставило его думать об измене Любы. Однако в романе до конца остается не ясным, изменила она или нет. В повести Д. Ермакова жена Егорова Галина изменяет ему с коллегой по работе. Проблемы семейных взаимоотношений, их чистоты, подлинной любви, испытаний на духовную прочность, раскаяния, понимания настоящих ценностей роднят роман В. Белова и повесть Д. Ермакова.

Роднит эти произведения и стремление главных героев разобраться в себе, обрести твёрдую почву под ногами. Медведев из романа В. Белова после тюрьмы обретает веру в Бога, становится православным. Эта же ценностная основа сближает Егорова и Лосева из повести Д. Ермакова. Несмотря на различные приключения, их неизбежно влечет, как мы уже говорили, к православному храму.

В персонажной системе обоих произведений можно выделить героев-разрушителей и эгоистов, живущих вне русской национальной традиции: у Белова – Михаил Бриш, соблазнявший жену Медведева, и журналист Аркадий, у Ермакова – Михайлов, коллега Галины, соблазвивший ее, а также Виталий Закрутко и поэтесса Элла Сидорова.

Символом чистоты, душевного искреннего порыва, света и любви в повести Белова становится «Баркарола» великого русского композитора П. И. Чайковского. В произведении Д. Ермакова таким возвышенным, идеальным смыслом наделена вся русская литература – от А. С. Пушкина и С. А. Есенина до В. И. Белова и В. Г. Распутина.

Еще один вид аллюзий, использованный в повести, – создание метатекста с помощью объединения ряда произведений сквозным героем с конкретными приметами судьбы. При этом упоминание об одинаковых этапах жизни персонажа становится разновидностью аллюзивности, «сшивающей» текст произведения с другими текстами и создающей метатекст. Так, работа на мясокомбинате центрального персонажа в сборнике «Дела земные» упоминается еще в повести «Серьезное дело», где герой Сергей Труфанов, бросивший любимое дело в музее, работает на мясокомбинате. В данном случае мы имеем дело с автобиографизмом, поскольку это несколько измененные факты биографии Ермакова: после ухода с тренерской работы он пробует себя в журналистике, писательстве. Но закрепиться там «ему удалось не сразу: на несколько лет пришлось уйти “на заработки” на мясокомбинат» [10, с. 897].

Значимая автобиографическая и аллюзивная черта произведения – использование Д. Ермаковым размышлений героев в последующих собственных литературно-критических статьях, заметках, эссе о А. Ганине и С. Чухине. Повесть «Дела земные» написана в 2007 г., а в 2010 и 2016 гг., соответственно, появляются статьи Д. Ермакова о Чухине [2] и Ганине [3], в которых ощутима идейная близость автора высказываниям персонажей произведения: Алексея Егорова о Чухине и Олега Лосева о Ганине. Подобная «последующая» интертекстуальность позволяет говорить о том, что автор вкладывает в уста этих героев сокровенные мысли, впоследствии публицистически развитые им в статьях.

Подводя итог, отметим, что Д. Ермаков в краткой повести «Дела земные» использует разнообразные средства для создания интертекстуальности. Во-первых, цитирование, реминисценции и аллюзии в повести функционально используются для расширения эмоционального фона повествования, углубления психологизма при создании образов-персонажей и обрисовке их мировоззренческих позиций, в том числе историко-литературных взглядов, тесно связанных с идейной доктриной произведения. Во-вторых, привлечение интертекстуальной переключки реплик и мироощущений Алексея Егорова и Олега Лосева, репрезентированной с опорой на цитацию стихотворений С. Чухина. В-третьих, применение общего сюжетного сходства истории из жизни Аннели Малинен и рассказа В. М. Шукшина. В-четвертых, создание проблемно-тематической и композиционной (на уровне системы образов) соотнесенности повести «Дела земные» с романом В. Белова «Все впереди». В-пятых, формирование автором метатекста с помощью объединения ряда произведений автобиографическим сквозным героем с конкретными приметами судьбы (Алексей Егоров из повести «Дела земные» и Сергей Труфанов из повести «Серьезное дело»). И наконец, использование размышлений героев повести «Дела земные» для создания последующих собственных литературно-критических статей, заметок, эссе об А. Ганине и С. Чухине.

Эти средства актуализируют корреляцию текста повести Д. Ермакова с русской литературой, являются способами расширения и обогащения содержания произведения, его введения в контекст традиционной отечественной литературы XIX-XX вв.

Список источников

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год: Ноябрь-декабрь: Публицистика и письма. 520 с.
2. Ермаков Д. А. «Настроив душу на добро...» [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/08/pastroiv_dushu_na_dobro (дата обращения: 27.01.2018).
3. Ермаков Д. А. Вспомним Алексея Ганина [Электронный ресурс]. URL: http://lgz.ru/blog/Literaturnij_mayak/vspomnim_alekseya-ganina/ (дата обращения: 27.01.2018).
4. Ермаков Д. А. Встречи с Беловым [Электронный ресурс]. URL: <http://rospisatel.ru/ermakov-belov.htm> (дата обращения: 27.01.2018).
5. Ермаков Д. А. Дела земные. Вологда: Новая идея, 2014. 392 с.
6. Кунильский А. Е. О возникновении концепта «живая жизнь» у Достоевского // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 44. С. 72-75.
7. Левин Ю. И. Комментарий к поэме «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева / предисл. Х. Пфандля. М.: Мартис, 1996. 95 с.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: НИП «Интелвак», 2001. 1600 стлб.
9. Перетягина А. В. Пушкинские мотивы в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» (к 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. № 4. С. 206-210.
10. Пешков В. Места хватит // Премьер. 2014. № 51.
11. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 608 с.
12. Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). СПб.: Языковой центр, 1995. 192 с.
13. Шукшин В. М. Калина красная: Киноповести. Рассказы. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 768 с.

INTERTEXTUALITY AS A WAY TO EMBODY THE LITERARY CONCEPTION OF A PERSONALITY IN THE STORY “THE EARTHLY THINGS” BY D. ERMAKOV

Bessmertnaya Mariya Stanislavovna
Armavir State Pedagogical University
Frolovamasha90@mail.ru

The article examines the role of intertextuality in the disclosure of the literary conception of a personality in the story “The Earthly Things” by D. Ermakov. It is ascertained that the writer uses a diverse range of means to create intertextuality: citations, allusions, metatextual links. These techniques contribute to the expansion and enrichment of the content of the story, as well as the embodiment of the conception of a personality in the work. The study of the intertextuality of D. Ermakov’s story is included in a wide literary context. The author emphasizes the connection between the character system of the work and classical Russian literature.

Key words and phrases: D. Ermakov; intertextuality; metatext; citations; metatextual links; conception of personality; quotes; cento principle; literary-centric orientation; traditions; postmodernism; actualization.